

Тареев М. М. Критика экономического учения Маркса: Из исследования «Социализм (нравственность и хозяйство)» // Богословский вестник 1912. Т. 4. № 12. С. 739–759 (2-я пагин.). (Окончание.)



Критика экономического учения Маркса ¹⁾.

Изъ изслѣдованія „Соціализмъ (Нравственность и хозяйство)“.

Мы видимъ—марксизмъ выступаетъ изъ чистой области социальнаго познанія, поскольку онъ вынужденъ считаться съ психикой субъекта социальной революціи, пролетаріата, и рассчитывать на этотъ активный факторъ.

Кромѣ того, марксизмъ выступаетъ изъ области познанія и въ другую сторону—въ сторону своего идеала, который онъ беретъ мѣрой для оцѣнки экономической дѣйствительности. Экономическая система марксизма не есть лишь плодъ социальнаго познанія, каузальнаго объясненія дѣйствительности, чистая наука, но она заключаетъ въ себѣ и элементъ идеальный, есть вмѣстѣ съ тѣмъ система телеологическая.

Идеаль марксизма—наивысшая экономическая производительность, продуктивность человѣческаго труда. Съ полною ясностью Марксъ высказалъ свой взглядъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ *Theorien über den Mehrwert*, изъ той части, которая посвящена Дав. Рикардо. „Рикардо“—пишетъ Марксъ— „съ полнымъ для своего времени правомъ разсматриваетъ капиталистическій способъ производства, какъ самый выгодный для производства вообще, какъ самый выгодный для созданія богатства. Онъ хочетъ производства ради производства, и въ этомъ онъ правъ. Если утверждать, какъ это дѣлалли сантиментальные противники Рикардо, что производство, какъ таковое, не является цѣлью, то при этомъ забы-

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрь.

вають, что производство ради производства означает не что иное, какъ развитіе человѣческихъ производительныхъ силъ, слѣдовательно, *развитіе богатства человѣческой природы, какъ самоцѣль*. Если противопоставить, какъ это дѣлаетъ Сисмонди, этой цѣли благо отдѣльной личности, то это равносильно утверженію, что развитіе рода должно быть *задержано* ради обезпеченія блага отдѣльной личности, что, слѣдовательно, нельзя вести никакой войны, ибо на войнѣ отдѣльныя личности во всякомъ случаѣ погибають. Сисмонди правъ только по отношенію къ тѣмъ экономистамъ, которые эту противоположность *затушевываютъ*, отрицають. Дѣлающіе такое противопоставленіе не понимаютъ, что это развитіе способностей рода—*человѣкъ*, хотя совершается прежде всего на счетъ большинства человѣческихъ индивидуумовъ и извѣстныхъ человѣческихъ классовъ, въ концѣ концовъ уничтожаетъ этотъ антагонизмъ и совпадаетъ съ развитіемъ отдѣльнаго индивидуума, что, слѣдовательно, высшее развитіе индивидуальности покупается только историческимъ процессомъ, въ которомъ индивидуумы приносятся въ жертву; не будемъ говорить уже о бесплодности такихъ размышленій, такъ какъ интересы рода и въ царствѣ людей, какъ въ царствахъ животныхъ и растений, всегда находятъ себѣ удовлетвореніе насчетъ интересовъ индивидуумовъ. Прямолинейность Рикардо была, слѣдовательно, не только *научно-добросовѣстной*, но и *научно-обязательной* для его точки зрѣнія. Но вслѣдствіе этого ему тоже было безразлично, поражаетъ ли на смѣртъ развитіе производительныхъ силъ поземельную собственность или рабочихъ. Если этотъ прогрессъ лишаетъ цѣнности капиталъ промышленной буржуазіи, для Рикардо онъ является столь же желаннымъ. Если развитіе производительной силы труда на половину лишаетъ цѣнности наличный основной капиталъ, то какое это имѣетъ значеніе? говоритъ Рикардо: производительность человѣческаго труда удвоилась. Здѣсь есть, слѣдовательно, *научная добросовѣстность*. Если пониманіе Рикардо въ общемъ соответствуетъ интересамъ *промышленной буржуазіи*, то только *потому*, что ея интересы совпадаютъ съ интересами производства или производительнаго развитія человѣческаго труда, и постольку, поскольку совпадаютъ. Гдѣ интересы развитія производительной силы труда вступаютъ въ противорѣчіе съ интересами

буржуазіи, Рикардо столь же *прямолинейно* выступаетъ противъ буржуазіи, какъ въ другихъ случаяхъ противъ пролетаріата и аристократіи“.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на присутствіе въ идеалѣ марксизма субъективнаго элемента, при чемъ не важно, что субъектомъ въ марксистской системѣ является не индивидуумъ, а родъ, не человекъ, а человечество. Этимъ элементомъ марксизмъ отличается отъ классической школы, отъ Ад. Смита и Рикардо, хотя это различіе маскируется тѣмъ, что Марксъ отождествляетъ производство ради производства съ развитіемъ богатства человѣческой природы. Однако не трудно разложить идеалъ марксизма на элементы объективный и субъективный. Трудно лишь наблюдать это разложеніе въ собственныхъ формулахъ марксизма, но предположить его легко и даже необходимо. Представимъ себѣ общество съ наивысшею производительностью и съ слабымъ развитіемъ богатства человѣческой природы, представимъ себѣ другое общество съ производительностью не столь высокою, но съ болѣе благоприятнымъ положеніемъ личностей и группъ. Спросимъ марксистовъ, какому обществу они отдали бы предпочтеніе. Рикардо прямо указалъ бы на первое общество, марксисты уклонились бы отъ прямого отвѣта подѣлываясь предлогомъ, что наивысшая производительность сопровождается развитіемъ богатства человѣческой природы. Не будемъ смущаться такимъ отвѣтомъ. Первое общество— это въ глазахъ марксистовъ современное капиталистическое общество: они не упускаютъ ни одного случая подчеркнуть „магическое“ развитіе въ этомъ обществѣ производительныхъ силъ, которое впервые дѣлаетъ *возможнымъ* обезпеченное существованіе всѣхъ членовъ общества и полное развитіе ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ задатковъ, но еще не даетъ этого развитія, такъ какъ высшіе классы вырождаются отъ экономическаго оягрнннн, а пролетаріатъ дичаетъ отъ обнищанія. Ему марксисты предпочитаютъ грядущее социалистическое общество. Почему? Является ли *фактомъ* еще болѣе высокая производительность въ социалистическомъ обществѣ? Конечно, нѣтъ. Такая производительность лишь гадательна, тогда какъ развитіе производительныхъ силъ въ современномъ обществѣ несомнѣнно, какъ фактъ. Если бы все дѣло было въ экономической производительности, то не

было бы основаніи предпочитать журавлей отдаленнаго будущаго синицамъ—и тѣмъ болѣе журавлямъ—настоящаго. Чтò для марксистовъ *несомнѣнно* и чтò устраняетъ для нихъ всякое колебаніе при выборѣ, такъ это—развитіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ всѣхъ членовъ будущаго общества, которое становится возможнымъ при достигнутой уже нынѣ производительности человѣческихъ силъ. Въ идеалѣ марксизма развитіе человѣческой природы не предполагается только, какъ выводъ, но поставляется на первый планъ. И даже среди прямыхъ высказываній Маркса можно найти этому подтвержденіе. Вотъ чтò онъ пишетъ въ третьемъ томѣ *Капитала*. „Прибавочный трудъ вообще, какъ трудъ, превышающій количество данныхъ потребностей, долженъ быть всегда. Но въ капиталистическомъ или рабовладѣльческомъ и т. п. хозяйствахъ онъ имѣетъ антагонистическую форму и дополняется бездѣтельностью, праздною нѣкоторой части общества. Определенное количество прибавочнаго труда требуется въ видѣ страхованія противъ случайностей, необходимымъ поступательнымъ расширеніемъ процесса воспроизводства, соответствующимъ развитію потребностей и прогрессу населенія, чтò съ капиталистической точки зрѣнія называется накопленіемъ. Одна изъ цивилизующихъ сторонъ капитала заключается въ томъ, что онъ принуждаетъ къ этому прибавочному труду такимъ способомъ и при такихъ условіяхъ, которыя выгоднѣе для развитія производительныхъ силъ, общественныхъ отношеній и созданія элементовъ для новаго высшаго общественнаго строя, чѣмъ при прежнихъ формахъ, при крѣпостничествѣ, рабствѣ и проч. Онъ, такимъ образомъ, съ одной стороны, доводитъ до такой ступени, на которой исчезаетъ принужденіе и монополизация общественнаго развитія (понимая подъ этимъ также его матеріальныя и умственныя выгоды) одной части общества на счетъ другой; съ другой стороны, онъ создаетъ матеріальное средство и зародыши для отношеній, которыя дадутъ возможность въ высшей общественной формѣ соединить такой прибавочный трудъ съ гораздо болѣе значительнымъ ограниченіемъ времени, посвященнымъ матеріальному труду вообще, ибо прибавочный трудъ, смотря по развитію производительности труда, можетъ быть значителенъ при непродолжительности всего рабочаго дня и отво-

сительно незначителенъ при продолжительномъ рабочемъ днѣ... Дѣйствительное богатство общества и возможность постояннаго расширенія его процесса воспроизводства зависятъ, слѣдовательно, не отъ продолжительности прибавочнаго труда, а отъ его производительности и отъ большого или меньшаго разнообразія условій производства, въ которыхъ онъ совершается. Царство свободы наступаетъ въ дѣйствительности только тогда, когда прекращается трудъ, вынужденный нуждою и внѣшнею цѣлесообразностью; слѣдовательно, по существу оно находится внѣ сферы матеріальнаго производства собственно. Какъ дикарю для удовлетворенія своихъ потребностей, для поддержанія своего существованія и воспроизведенія приходится бороться съ природою, то же самое приходится дѣлать и человѣку цивилизованному, и дѣлать это приходится при всякихъ общественныхъ формахъ и при всевозможныхъ способахъ производства. Съ развитіемъ его расширяется такая область естественныхъ потребностей, такъ какъ увеличиваются его потребности, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются также производительныя силы, которыя удовлетворяютъ ихъ. Свобода въ этой области можетъ заключаться только въ томъ, чтобы человѣкъ, ставшій существомъ общественнымъ,—объединенные производители регулировали такой свой обмѣнъ веществъ съ природою разумно, подчинили бы его своему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою какъ слѣпой силѣ, чтобы совершалось это съ наименьшею тратою силы и при условіяхъ, наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соответствующихъ. Но это все-же остается царствомъ необходимости. За нимъ начинается развитіе человѣческихъ силъ, которое само служить себѣ цѣлью, дѣйствительное царство свободы, которое однако можетъ процвѣтать, только имѣя основаніемъ такое царство необходимости. Основное для этого условіе—сокращеніе рабочаго дня“. Дѣло ясное—развитіе производительныхъ силъ является условіемъ царства свободы, самоцѣлью служить развитіе человѣческой природы, развитіе производительныхъ силъ цѣнно потому, что оно ведетъ къ сокращенію рабочаго дня.

Наличность и даже преобладаніе въ идеаль марксизма субъективнаго, или нравственнаго, элемента даетъ возмож-

ность назвать этотъ идеаль субъективно-нравственнымъ по своему содержанию. Но если марксисты и будутъ спорить противъ такого истолкованія ихъ идеала, выдвигая на первый планъ объективную сторону—развитіе производительныхъ силъ, накопленіе экономического богатства, если мы сдѣлаемъ ту уступку, что признаемъ нравственный элементъ въ ихъ идеаль лишь выводомъ, предположеніемъ, то все-же мы имѣемъ право назвать послѣдній принципъ экономической системы марксизма идеальнымъ, все-же ихъ идеаль является субъективнымъ по смыслу его примѣненія къ оцѣнкѣ экономической дѣйствительности. Экономическая производительность, или развитіе производительныхъ силъ, иначе сказать, накопленіе національнаго богатства—для экономической системы марксизма не есть лишь, какъ для Рикардо, точка зрѣнія, принятая для обзорѣнія матеріала экономической науки, и формальный принципъ экономической системы, она не есть также лишь эмпирическая цѣль общественнаго развитія. Нельзя сказать, что марксизмъ принимаетъ экономическую производительность формальнымъ принципомъ экономической системы, рассматриваетъ, при какихъ условіяхъ развитіе производительныхъ силъ поднимается или падаетъ, но для него все равно, осуществляется ли и долженъ ли осуществляться этотъ принципъ въ дѣйствительности; равнымъ образомъ нельзя сказать, что марксизмъ принимаетъ этотъ принципъ лишь потому, что въ эмпирической дѣйствительности каждое общество стремится къ наивысшей экономической производительности. Нѣтъ, экономическая производительность, тождественная съ развитіемъ богатства человеческой природы, для марксизма есть разумный идеаль ¹⁾, который долженъ осуществиться въ дѣйствительности, который даетъ возможность различать истинную дѣйствительность отъ неистинной, напр. „дѣйствительное

¹⁾ Харазовъ *Das System des Marxismus*: Es ist unmöglich, ernstlich zu bestreiten, dass Marx letzten Endes doch ein Ideal vorschwebte, an dem er die bestehenden Produktionsverhältnisse mass und beurteilte,—das war das Ideal der Produktivität menschlicher Arbeit und der Verkürzung des Arbeitstages, als Grundbedingung eines Reiches der Freiheit, „der menschlichen Kraftentwicklung, die sich als Selbstzweck gilt“. Und von dem Standpunkte dieses Ideals aus hat er die bestehende kapitalistische Wirtschaft verworfen.

богатство общества“ (т. е. истинное). По взгляду Маркса не только все дѣйствительное имѣетъ для себя оправданіе, но и все разумное должно стать дѣйствительнымъ ¹⁾. Экономическая система марксизма проникнута бессознательной телеологіей абсолютнаго, метафизическаго характера ²⁾: исторіей, по смыслу этой системы, управляютъ разумныя нормы—логическія или этическія.

Самымъ яркимъ выраженіемъ телеологическаго характера экономической системы марксизма нужно признать свойственный ей оптимизмъ. По взгляду Маркса и Энгельса угроза гибели общества или меньшей производительности его имѣетъ объективно-историческое значеніе, общественно-историческая жизнь опредѣляется идеей большей производительности, и общества съ меньшимъ развитіемъ производительныхъ силъ должны уступить мѣсто обществамъ съ высшею производительностью. Развѣ такой взглядъ можетъ быть признанъ реалистическимъ, развѣ марксизмъ, усвоивъ этотъ взглядъ, остается въ области социальнаго познанія, каузальнаго объясненія дѣйствительности? По вѣрному сужденію П. Струве, одного изъ самыхъ проницательныхъ критиковъ марксизма, „динамическій тезисъ социологическаго ученія Маркса обнаруживается предъ нами не какъ теорія *развитія*, или эволюціи, а какъ самая недвусмысленная теорія *прогресса*, или усовершенствованія общества. Въ немъ заключается допущеніе, что выживаетъ, т. е. оказывается наиболѣе приспособленнымъ къ жизни, экономически наиболѣе

¹⁾ Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus*: Der Satz, dass der Inhalt des historischen Geschehens logisch verlaufe, kann nichts anders bedeuten, als dass eine substantielle Vernunft in ihm wirksam ist.

²⁾ Харазовъ *Das System des Marxismus*: Hier wird der Marxismus teleologisch, obwohl es ihm selbst vielleicht verborgen bleibt, und zwar erhält er diesen teleologischen Charakter nicht allein in jenem bedingten Sinne, dass er die Wirksamkeit gewisser Zwecke anerkennt, die wirkliche Menschen im Laufe der historischen Entwicklung verfolgen, sondern auch in dem absoluten Sinne, dass er einen über oder vor der ganzen bisherigen Geschichte stehenden und erst in der Zukunft zur Verwirklichung gelangenden Zweck—den der Verkürzung des Arbeitstages—annimmt, ja sogar zur Basis gewisser bejahender oder verwerfender Werturteile über die mit kausaler Notwendigkeit vor sich gehenden Geschehnisse macht.

производительное, т. е. экономически наиболее разумное. Въ этомъ допущеніи содержатся два момента, тѣсно между собою связанные. Во-первыхъ, оно означаетъ внесеніе телеологическаго, чисто „человѣческаго“ критерія экономической рациональности въ схему эволюціи. Во-вторыхъ, такое допущеніе окрашиваетъ всю эту схему въ оптимистическій цвѣтъ, который вообще характеренъ для всѣхъ теорій прогресса. Совершенно ясно, что наибольшая производительность (или наибольшая экономическая рациональность) вовсе не должна („должна“ въ смыслѣ естественной необходимости) означать наибольшую приспособленность къ жизни; это въ данномъ отрѣзкѣ времени можетъ быть, но можетъ и не быть, это— частный случай эволюціи, который принципиально невозможно возвести въ ея общій законъ. Производительность (въ экономическомъ смыслѣ) стоитъ въ связи съ другими психическими качествами, и ея повышеніе означаетъ повышеніе этихъ качествъ, утонченіе всей духовной организациі, означаетъ, словомъ, усовершенствованіе человѣка. Но усовершенствованіе организациі съ такой человѣческой точки зрѣнія вовсе не логически и вовсе не всегда исторически означаетъ лучшее приспособленіе къ жизни, если разсматривать вопросъ именно съ позитивно-научной точки зрѣнія¹⁾. Какъ возможенъ историческій переходъ отъ большей экономической производительности къ меньшей, побѣда обществъ съ наименьшимъ развитіемъ производительныхъ силъ, такъ равнымъ образомъ реалистическій взглядъ долженъ признать возможность гибели человѣческихъ обществъ²⁾.

¹⁾ *Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи социальнаго развитія* (въ Сборникъ ст. посв. Ключевскому).

²⁾ Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus: Wahrscheinlicher als der Zukunftsstaat, ebenso statthaft als der Ersatz durch eine andere Privatwirtschaft ist eine dritte Möglichkeit, der Untergang der Gesellschaft überhaupt. Was rechtfertigt den Optimismus von Marx und Engels, dass in einem künftigen Reiche der Freiheit eine Negation der Negation, eine Synthese notwendig wird und nicht das leere Chaos des Nichts, in dem Wirtschaft und Kultur im ganzen zugrunde gehen? Um so näher liegt ein solcher Pessimismus; da die Widersprüche, mit denen der Kapitalismus behaftet sein soll, letzthin ethische waren. Selbst Marx hat schliesslich nolens volens zugegeben, dass er nicht sowohl unlogisch als unsittlich ist. Vom naturwissenschaftlichen Standpunkt leuchtet offenbar*

На чемъ же утверждается социалистическій оптимизмъ? Изъ какого родника бьетъ ключъ этого упованія на лучшее будущее? Очевидно, такимъ родникомъ можетъ быть лишь вѣра человѣческаго сердца. И ни въ какомъ другомъ пунктѣ своей системы теоретическій марксизмъ не совпадаетъ такъ, какъ въ этомъ пунктѣ, съ социалдемократическимъ движениемъ: и въ теоріи, и въ практикѣ позднѣйшій социализмъ, какъ и прежде утопическій социализмъ, движется вѣрою. И это именно вѣра создаетъ представление о катастрофальномъ, „чудесномъ“, спасеніи общества. С. Булгакову пришла счастливая мысль провести сравненіе между современнымъ социалистическимъ движениемъ и давней іудейско-христіанской апокалиптикой, мысль, на которую наталкиваетъ исторія тѣхъ религіозно-соціальныхъ движений, которыя служатъ историческими звеньями, связывающими древнюю апокалиптику съ позднѣйшимъ социализмомъ. И онъ нашелъ ближайшее сродство между этими хронологически отдаленными историческими явленіями. „Въ социализмѣ слѣдуетъ различать цѣль или идеаль и движеніе или практику. Последняя составляетъ предметъ научной политической экономіи и реалистической соціальной политики, первая принадлежитъ къ области вѣрованій и упованій религіознаго (въ широкомъ смыслѣ слова) характера. Въ основѣ социализма, какъ міровоззрѣнія, лежитъ старая хилиастическая вѣра въ наступленіе земного рая (какъ это перѣдко и прямо выражается въ социалистической литературѣ) и въ земное преодоленіе исторической трагедіи. Социализмъ это—раціоналистическое, переведенное съ языка космологіи и теологіи на языкъ политической экономіи переложеніе іудейскаго хилиазма, и всѣ его *dramatis personae* поэтому получили экономическое истолкованіе. Избранный народъ, носитель мессіанской идеи, или, какъ позднѣе въ христіанскомъ сектанствѣ, народъ „святыхъ“, замѣнился пролетариатомъ съ особой пролетарской душой и особой революціонной миссіей, причемъ избранность эта опредѣляется уже не внутреннимъ самоопредѣленіемъ, какъ необходимымъ условіемъ мессіанскаго

eher die Möglichkeit ein, dass in solchem Falle die egoistischen Kapitalisten und das ausgebeutete Volk dem allgemeinen Verfall preisgegeben werden.

избрания, но вѣдшимъ фактомъ принадлежности къ пролетариату, положеніемъ въ производственномъ процессѣ, признакомъ сословности. Роль *deus ex machina*, облегчающаго переходъ къ хиліазму, въ социализмъ, соответственно духу времени и его излюбленной наукообразной мифологіи, играютъ „законы“ развитія общества или роста производительныхъ силъ, которые сначала готовятъ этотъ переходъ, а затѣмъ, при извѣстной зрѣлости процесса, въ силу его „внутренней и неизбежной діалектики“ вынуждаютъ переходъ къ социализму, повелѣваютъ сдѣлать „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Такимъ образомъ, роль эта, ранѣе отводившаяся мессіи или прямо Божеству, здѣсь приписана безличному, въ значительной мѣрѣ мифологическому абстракту, пантеистическому понятію „закона развитія производительныхъ силъ“, при чемъ однако и онъ служитъ прежнюю службу,—локомотива, который доставитъ историческій побѣдъ изъ царства необходимости въ царство свободы—въ *Zukunftstaat* или въ столицу Моровской Утопіи“ 1).

Марксизмъ вѣруетъ въ свой идеалъ: это для насъ важно констатировать. Но мы можемъ также спросить: имѣетъ ли онъ право вѣровать? оправдывается ли его вѣра основами его системы? Нѣтъ. Научность своей системы онъ нарушаетъ внесеніемъ въ нее элемента вѣры, а право вѣровать онъ подрываетъ исповѣдуемыми имъ позитивно-научными принципами: въ марксизмѣ телеологія есть не вѣра, а *сுவѣрпе* 2).

Переходимъ теперь ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ: можно ли рационализировать социальную жизнь путемъ научнаго предвидѣнія будущаго? Говоря иначе, можно ли руководствоваться въ социальной жизни прогнозомъ относительно будущаго, или—можно ли предопредѣлять будущее по прошлому и настоящему?

И на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Этимъ

1) *Апокалиптика и социализмъ (Два града)*.

2) Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus*: Man sieht leicht, dass Glaube an die Immanenz eines normativen, sei es eines logischen oder eines sittlichen Prinzips im materialistischen System, ein logisch und sachlich ungerechtfertigter Wahn ist... Der idealistische Metaphysiker trägt mit dem Gedanken der immanenten Teleologie den Glauben in die Wissenschaft, der materialistische den Aberglauben.

путемъ нельзя рационализировать социальную жизнь, такъ какъ невозможно научное предвидѣніе историческаго будущаго ¹⁾.

Что значить научное предсказаніе будущаго и въ какомъ смыслѣ оно возможно? Для научнаго предсказанія будущаго должны быть извѣстны, во-первыхъ, законы, опредѣляющіе связь явленій данной области, и, во вторыхъ, состояніе системы явленій въ данный моментъ времени, при предположеніи, что факторы останутся неизмѣнными во все то время, на которое простирается научный прогнозъ ²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что научное предсказаніе возможно лишь по отношенію къ явленіямъ природы и невозможно по отношенію къ социальнымъ явленіямъ. Существуютъ законы, управляющіе социальной жизнью ³⁾; доступно познанію состояніе

¹⁾ Риккертъ въ книгѣ *Границы естественно-научнаго образования понятій (Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung)* останавливается и на той мысли, что предвидѣніе будущаго, если бы оно было доступно намъ, угашало бы нашу волю, наше хотѣніе. „Если бы мы могли предвидѣть будущее въ его индивидуальности и если бы мы, стало быть, точно знали, что должно наступить, все хотѣніе и дѣйствование тотчасъ утратило бы смыслъ. Итакъ, мы имѣемъ основаніе только радоваться тому, что не существуетъ никакихъ историческихъ законовъ. Иррациональность дѣйствительности, полагающая предѣлъ всякому естественно-научному пониманію, принадлежитъ въ то же время къ числу высочайшихъ благъ для того, кто, всегда стремясь, дѣлаетъ усиліе. Рука, покрывшая будущее непроницаемой для насъ людей, завѣсой, милостива. Если бы и будущее въ его индивидуальности было объектомъ нашего знанія, оно никогда не оказывалось бы объектомъ нашего хотѣнія. Въ совершенно рациональномъ мірѣ никто не можетъ дѣйствовать“.

²⁾ Чупровъ *Очерки по теоріи статистики*, Навиль *Nouvelle classification des sciences*, Зиммель *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*, Гуссерль *Logische Untersuchungen*.

³⁾ Я признаю *соціологию* особой наукой, отличной и отъ исторической науки и отъ философіи, какъ науку о законахъ социальной жизни, не затрагивая однако вопроса о томъ, отлична ли соціологія, какъ наука, скажемъ, о формахъ общежитія, отъ частныхъ социальныхъ наукъ, или она существуетъ лишь въ послѣднихъ. См. Менгера *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere*, Кистяковскаго *Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie*, Зиммеля *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung* (гл. 1: Das Problem der Soziologie), Ковалевскаго *Соціологія* т. I Соціальный законъ я отличаю отъ закона историческаго, о которомъ рѣчь будетъ ниже: въ данномъ мѣстѣ я говорю не о томъ,

соціальной жизни въ данный моментъ времени, но факторы соціальной жизни не обладают неизмѣнностью. Ихъ необходимо признать измѣнчивыми, признаемъ ли мы вмѣстѣ съ Мейеромъ ¹⁾ въ числѣ факторовъ соціальной жизни случай и свободу воли, или допустимъ влѣдъ за Бергсономъ возможность творческаго начала въ нашей жизни ²⁾, или оцѣнимъ историческую роль индивидуальнаго изобрѣтенія,

что есть историческій законъ, а о томъ, что онъ не есть,—что имѣть исторической законѣрности. Соціологію отождествляя съ исторіей Фюстель де-Кулажъ. Объ отличіи исторіи отъ соціологіи см. Бернгейма *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie* и Гротенфельта *Die Wertschätzung in der Geschichte*. Отличаю я соціологію и отъ философіи исторіи, которая, по моему взгляду, имѣетъ дѣло съ вопросомъ о смыслѣ исторіи, о высшемъ синтезѣ развитія чсловѣчества, и которая, по моему мнѣнію, можетъ быть лишь частью личнаго міросозерцанія, а не наукой. Этимъ замѣчаніемъ я единственно хочу указать, въ какомъ смыслѣ я употребляю эти термины: доселѣ они употреблялись крайне неустойчиво—у каждаго соціолога, философа исторіи и теоретика исторіи по своему.

¹⁾ *Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophische Untersuchungen*: Die Naturwissenschaft kann berechnen und voraussehen, wie die Constellation der Planeten in einem bestimmten Moment sein wird—vorausgesetzt, dass nicht ein neues, bisher unbekanntes Moment störend dazwischentritt, etwa ein fremder Weltkörper sich in das Sonnensystem verirrt; sie kann aussprechen, dass wenn Dynamit entzündet wird, eine Explosion erfolgen muss. Aber vorauszusagen, ob jene Constellation beobachtet wird, ob und wann in einem Einzelfalle diese Explosion stattfindet, ob dabei ein bestimmter Mensch verwundet, getödtet, gerettet wird, mit andern Worten, ob das historische Ereigniss eintritt, das ist ihr unmöglich, denn das hängt vom Zufall und vom freien Willen ab, den sie nicht kennt, wohl aber die Geschichte.

²⁾ *Творческая эволюція* (Evolution créatrice): „Наша личность непрерывно развивается, растетъ, зрѣетъ. Каждый моментъ имѣетъ нечто новое, прибавляющееся къ прежнему. Скажемъ болѣе, не только новое, но и непредвидѣнное.. Наука смотритъ на вещи съ точки зрѣнія ихъ повторенія. Она можетъ оперировать только надъ тѣмъ, что считается повторяющимся. Отъ нея ускользаетъ то, что есть неповторяющагося и необратимаго въ послѣдовательныхъ моментахъ какой-либо исторіи.. Сущность механическихъ объясненій состоитъ въ томъ, что признаютъ возможнымъ вычислить будущее и прошлое, какъ функции настоящаго, и что такимъ образомъ *все предполагается даннымъ*. Но—мы знаемъ время, какъ потокъ, который не можетъ быть пройденъ въ обратномъ порядкѣ или повторенъ снова* и т. д. Припомнимъ также формулированный Вундтомъ принципъ нарастанія психической энергіи, см. его Очеркъ психологіи, Логику, Систему философіи.

открытія (invention), какъ это дѣлаетъ французскій соціологъ Тардь ¹⁾, или, наконецъ, примемъ въ расчетъ необозримую сложность психической причинности, не допускающую исполнѣ тождественнаго повторенія историческихъ событій и оставляющую мѣсто лишь для регрессивнаго, а не для прогрессивнаго, объясненія ихъ, на что обратили наше вниманіе Зиммель ²⁾ и Бернгеймъ ³⁾. Существуютъ законы, которыми опредѣляется соціальная жизнь, но не существуетъ соціально-исторической закономерности въ смыслѣ безуслов-

¹⁾ Тардь признаетъ три фактора соціальной жизни: изобрѣтеніе (invention), которое бываетъ индивидуальнымъ, подражаніе (imitation), посредствомъ котораго изобрѣтеніе становится общимъ достояніемъ, и конфликтъ между разными изобрѣтеніями (opposition), въ результатъ котораго одно изобрѣтеніе одерживаетъ верхъ надъ другими. Исслѣдованію этихъ трехъ факторовъ Тардь посвятилъ три важнѣйшихъ изъ своихъ сочиненій: *Les lois de l'imitation* (Законы подражанія), *La logique sociale* (Соціальная логика) и *L'opposition universelle*. Взгляды, изложенные въ этихъ книгахъ, кратко суммированы авторомъ въ *Les lois sociales. Esquisse d'une sociologie*. Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій Тардь пишетъ: „Выводятъ ошибочное заключеніе, что когда-нибудь статистика будетъ въ состояніи предсказывать будущее соціальное положеніе такъ же вѣрно, какъ предсказываетъ астрономъ будущее положеніе Венеры. Но... статистика сосредоточена въ области подражанія и область изобрѣтенія для нея является запретной. Будущее будетъ тѣмъ, чѣмъ будутъ его изобрѣтатели, которыхъ статистика не знаетъ и появленіе которыхъ не содержитъ ничего, что можно было бы формулировать въ видѣ закона“.

²⁾ *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*: Solange wir nur Kollektivwirkungen kennen, stehen wir jeder neuen komplexen Thatsache in Bezug auf ihre kausalen Verknüpfungen völlig unbelehrt gegenüber; denn mag sie in noch so vielen Punkten mit einer früher festgestellten übereinstimmen, so genügt doch die kleinste Abweichung, um jede Bestimmung ihrer Wirkung illusorisch zu machen, weil wir mangels der Auflösung in Teilursachen und Teilwirkungen nicht wissen können, welchen Teil der früher beobachteten Wirkung die Abänderung in der Ursache alterieren wird. Die Ereignisse, deren Verknüpfung zu historischen Gesetzen wir suchen, sind aus so vielen Beiträgen zusammengesetzt, dass man die genaue Wiederholung des verursachenden an einer anderen Stelle von Zeit und Raum getrost als unmöglich bezeichnen kann.

³⁾ *Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*: Die historische Erkenntnis hat es mit den ursächlichen Zusammenhängen von Erscheinungen zu thun, welche ihrem Wesen nach durch psychische Kausalität bestimmt sind und daher ihrem Wesen nach nur von ihren qualitativ differenten Zwecken aus begriffen und regressiv erklärt, nicht

ной и механической необходимости историческаго развитія ¹⁾: Исторія человечества совершается не въ формѣ круговорота (Kreislauf), а въ формѣ безпредѣльнаго развитія (Entwicklung) ²⁾.

aus allgemeinen Gesetzen progressiv abgeleitet und unter allgemeine Begriffe subsumiert werden können. Gesetze und Begriffe naturwissenschaftlicher Art sind nicht zureichende Mittel historischer Erkenntnis.—Ср. того же автора *Einleitung in die historische Wissenschaft=Введение въ историческую науку*: „Психическая причинность не менѣе, нежели физическая, покоится на началѣ всеобщей естественной необходимости и точно также имѣетъ свои общіе законы, но она иначе объясняетъ явленія своей области: не въ смыслѣ разъ навсегда опредѣленныхъ и заранѣе предопредѣляемыхъ слѣдствій соответствующихъ причинъ (прогрессивно), но въ смыслѣ послѣдствій, которыя наступили при особенныхъ обстоятельствахъ единичнаго случая и причины которыхъ подлежатъ еще опредѣленію (регрессивно).—Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus...* die objektiven Gesetze der Geschichte, auch wenn die kausale Tatsächlichkeit möglichst einwandfrei festgestellt ist, nur hypothetischen Wert beanspruchen können, da man nicht weiss, ob nicht der Mensch sich selbst gerade nach dieser Richtung geändert hat.

¹⁾ Вейзенгрюнъ *Das Ende des Marxismus...* keine Entwicklungsnotwendigkeit im absoluten und mechanischen Sinne in sozialen Dingen...

Риккертъ въ названномъ сочиненіи: „Даже если бы можно было примѣнять тѣ понятія законовъ, которыя могутъ иногда встрѣчаться въ какомъ-либо историческомъ изложеніи, и тогда говорить о „тенденціяхъ развитія“, все-таки вслѣдствіе реальной исторической связи различныхъ событій всегда получалась бы лишь *возможность* того, что наступитъ опредѣленное событіе, подходящее подъ нѣкоторое относительно - историческое понятіе. Абсолютно не допускающее предвидѣнія воздѣйствіе какихъ-либо другихъ историческихъ объектовъ всегда можетъ нарушить „тенденцію развитія“ и поэтому исключаетъ всякую достовѣрность предсказанія“.

Кистяковскій *Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи социальныхъ явленій*: „Наступленіе какой-нибудь высшей стадіи развитія, какъ и всякаго конкретнаго явленія, не можетъ быть безусловно необходимо, такъ какъ оно всегда будетъ результатомъ пересѣченія многихъ причинно-обусловленныхъ рядовъ въ опредѣленномъ пунктѣ пространства и въ извѣстный моментъ времени. Оно всегда будетъ находиться въ противорѣчій съ безусловной необходимостью, какъ внѣпространственной и внѣвременной. Слѣдовательно, безусловную увѣренность въ необходимости наступленія слѣдующей стадіи развитія экономическому материалисту можетъ сообщить его нравственное чутье и вѣра въ то, что стремленіе къ наиболее справедливому социальному строю присуще всякому и общеобязательно для всякаго“. Ср. его же *Gesellschaft und Einzelwesen*.

²⁾ Кнись *Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte*: Wir

Каждый день исторіи имѣетъ что-нибудь новое сравнительно со всѣмъ прошлымъ. „Факты исторіи“, по словамъ Ксенополя ¹⁾, „постоянно измѣняются. Повидимому, они повторяются, но на самомъ дѣлѣ они всегда суть иные. Сущность человѣческой жизни сохраняется та же самая, но она всегда проявляется въ различныхъ формахъ... Факты никогда не повторяются въ тождественномъ видѣ. Это суть тѣ же старые факты плюсъ нѣчто новое: А+х, изъ которыхъ именно х играетъ наиболѣе важную роль“. Предвидѣть будущее значитъ предвидѣть этотъ измѣнчивый х,—и это прежде всего есть психика будущихъ поколѣній, ихъ идеалы, взгляды, надежды, стремленія, а также будущія открытія и изобрѣтенія ²⁾. Эта невозможность научнаго предвидѣнія историческаго будущаго не есть временный результатъ нашихъ несовершенныхъ историческихъ познаній, и нѣтъ мѣста надеждѣ на открытіе законовъ историческаго развитія. Если бы наше историческое познаніе и было болѣе совершеннымъ, если бы удалось открыть законы социальнаго развитія, это не дало бы намъ возможности полнаго, практически-полезнаго для социальнаго устроенія, предвидѣнія будущаго. Самое совершенство познанія дѣлало бы сомнительнымъ возможность социальнаго-полезнаго предусмотрѣнія. Историческіе законы съ самаго момента своего открытія перестали бы „принадлежать исторіи“: они сдѣлались бы средствами нашей практики ³⁾. Познаніе, истинное или мнимое, законовъ обществен-

erkennen in dem Bezirk des Geistigen unter Anderem insbesondere auch nicht Veränderungen in einem „Kreislauf“, welche immer wieder zu vorhergegangenen Stufen zurückkehren, sondern eine andauernd zu neuen Stufen fortschreitende *Entwicklung*.

¹⁾ *La théorie de l'histoire.*

²⁾ Шмоллеръ *Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft* въ сборникѣ *Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre*: Jedes Urtheil über die socialen Organisationsformen der Zukunft schliesst ein Urtheil über die Zukunft der Technik und ein Urtheil über das psychologisch-moralische Trieblieben der künftigen Generationen in sich.

Ср. Макензи *An introduction to social philosophy*: History cannot even tell us that the past *must* have been as it was: much less can it enable us to predict that, amid the ever-changing stream of conditions, the future will in any particular respects resemble what the past has been.

³⁾ Мейеръ *Zur Theorie und Methodik der Geschichte*: in dem Moment, wo sie (Gesetze des historischen Lebens) entdeckt wären, würden sie aufhö-

наго движенія даетъ всѣмъ заинтересованнымъ силу пользоваться имъ въ своихъ интересахъ, а это обстоятельство уже измѣняетъ ходъ общественнаго развитія,—къ предусмотрѣнному А, къ познанной „сущности человѣческой жизни“, присоединяетъ неожиданную индивидуальную форму, неожиданный х, которымъ обезцѣнивается предвидѣние. Такого измѣненія не произошло бы лишь въ томъ случаѣ, если бы предсказаніемъ не затрогивались интересы людей, или если бы заинтересованность совпадала съ естественнымъ направленіемъ исторіи, если бы всѣ члены общества были одинаково заинтересованы въ этомъ направленіи. Но когда интересы расходятся, желанія людей разнообразно сталкиваются и многоразлично измѣняются, предвидѣние является уже невозможнымъ. Такъ не оправдалась теорія обнищанія. По словамъ Вишпера ¹⁾, „теорія обнищанія, вѣроятно, дѣйствовала на воображеніе очень многихъ людей, но никогда не служила правиломъ дѣятельности. Рабочія массы не дожидались окончательнаго ухудшенія своей участи; они не ставили вопроса: „все или ничего“; они организовывались въ профессиональные союзы, добивавшіеся мѣстныхъ и частныхъ улучшеній; они вступали на почву политической борьбы, вводили своихъ представителей въ парламентъ, принимались за такъ называемую практическую политику, хлопотали объ охранѣ фабричнаго труда, участвовали въ законодательствѣ страхования“ и т. д. Навстрѣчу рабочимъ шло государство, и предсказаніе Маркса не сбылось. Съ своей стороны капиталисты принимаютъ мѣры самосохраненія и посредствомъ картелей обезцѣниваютъ теорію кризисовъ. Бернштейнъ, теоретикъ перерожденія радикальнаго социализма въ ревизионизмъ, въ практику компромиссовъ, справедливо сказалъ ²⁾: „Исторія человѣческая уже давно не разви-

gen der Geschichte anzugehören, sie würden für die historische Forschung niemals Objecte, sondern Voraussetzungen sein. Проф. Хвостовъ *Теорія историческаго процесса*: „Общественная жизнь при самомъ процесѣ проведения задуманныхъ реформъ мѣняется. Каждую реформу приходится поэтому осуществлять въ обстановкѣ, уже измѣненной ея проведеніемъ въ жизнь, т. е. отличной отъ той, при которой реформа была задумана“.

¹⁾ *Очерки теоріи историческаго познанія.*

²⁾ *Zur Geschichte und Theorie des Socialismus*==*Очерки изъ исторіи и теоріи социализма.*

вается въ томъ смыслѣ, что ея тенденціи доходятъ до своихъ крайнихъ выводовъ“¹⁾. Мы вынуждаемся уже сдѣлать различіе между бессознательнымъ ходомъ социальна-историческаго развитія и возникающею сознательностью: законъ социальна-историческаго развитія вполнѣ господствуетъ надъ людьми лишь при условіи бессознательности социальнаго процесса²⁾, напротивъ—возникающее сознание, или познаніе закона, освобождаетъ человѣка отъ слѣпой необходимости. Правда, мы можемъ думать, что все общество живетъ бессознательно, и это даетъ основаніе для слѣпой необходимости социальна-историческаго процесса, а одинъ какой-нибудь мудрецъ, скажемъ Марксъ, постигаетъ законъ этого процесса, и это даетъ основаніе предвидѣть будущее. Это мыслимо, но лишь до тѣхъ поръ, пока этотъ мудрецъ не открываетъ своей тайны...

Сдѣлаемъ послѣдній выводъ изъ нашихъ разсужденій въ примѣненіи къ критикѣ научнаго социализма. Если социаль-

¹⁾ Ср. Шмоллеръ *Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre*: Es giebt keine Revolution, die absolut nötig, absolut unvermeidlich wäre. Jede Revolution ist durch zeitgemässe Reform zu verhindern.

Пониманіе тормозящаго вліянія на ходъ историческихъ событій со стороны сознательной дѣятельности заинтересованныхъ въ этомъ группъ, пониманіе неизбежности „прямого“ вмѣшательства лицъ съ противоположными интересами, не желающихъ смягченія социальныхъ конфликтовъ,—лежитъ въ основѣ синдикализма. Это съ полною ясностью и рѣшительностью высказалъ Сорель въ своихъ *Размысленіяхъ о насиліи*. Марксъ ошибся, предположивъ, что буржуазія не будетъ нуждаться въ давленіи—для того, чтобы пустить въ ходъ свою силу: оказался новый и совершенно непредвидѣнный фактъ—буржуазія, стремящаяся уменьшить свои силы. Буржуазія, введенная въ заблужденіе проповѣдниками морали, возвращается назадъ къ идеалу консервативной умѣренности, пытается облегчить гнетъ производства: этимъ создается „неопредѣленность“ положенія, спутывается намѣченный Марксомъ путь. Эту неопредѣленность и хочетъ сознательно исправить синдикализмъ, пуская въ ходъ насиліе пролетаріата. Насиліе пролетаріата выступать на сцену одновременно съ тѣмъ, какъ социальный міръ стремится смягчить социальные конфликты; насиліе пролетаріата возвращаетъ хозяевъ къ ихъ роли производителей и составляетъ, такимъ образомъ, классовыя различія въ то самое время, когда они, казалось, смѣшаются въ одномъ демократическомъ болотѣ.

²⁾ Марксистскую теорію социальнаго развитія Ж. Сорель сравниваетъ съ „философіей Бессознательнаго“ Гартмана.

ная жизнь не можетъ быть вполне рационализирована, то невозможно научное построение системы, объединяющей социальное познание съ социальнымъ идеаломъ, въ частности, невозможенъ и научный социализмъ. Этотъ приговоръ надъ научнымъ социализмомъ можно считать не только твердо обоснованнымъ, но и общепринятымъ среди критиковъ марксизма. Мы приведемъ отзывъ Зомбарта ¹⁾. „Марксъ хотѣлъ противопоставить *научный социализмъ утопическому*. Теперь же убѣдились, что эта затѣя неудачна въ самой своей основѣ. Всемирно-историческое значеніе заслуги Маркса (поскольку она касается социализма) лежитъ не въ ея научномъ характерѣ, а въ обоснованіи социального движенія на реальныхъ началахъ историческаго развитія и интереса, а это не имѣетъ ничего общаго съ наукой; попытка же *научно доказать необходимость социализма* должна быть признана неудачной, ибо никогда нельзя доказать *правильность* социального стремленія, борьбы за новый строй, который еще только нужно создать. Наукѣ остается только открывать причинную связь эмпирическаго міра; она выйдетъ за предѣлы своей компетенціи, если захочетъ *доказывать правильность* или даже только необходимость чего-либо желаемаго, чего-либо еще не наступившаго. Конечно, практическое стремленіе можетъ съ успѣхомъ воспользоваться научнымъ познаниемъ. Его оправданіе не въ томъ, что оно истинно, а въ томъ, что оно *цѣльно и полно мощи*. Научный же социализмъ—это внутреннее противорѣчіе. Поэтому надо кореннымъ образомъ отдѣлить науку отъ социализма“ ²⁾.

¹⁾ *Sozialismus und soziale Bewegung*—Социализмъ и социальное движеніе.

²⁾ Струве пишетъ въ *Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung* по этому пункту съ обычною для него вдумчивостью: Wenn man sich nach der Herkunft der Begriffe „Soziale Revolution“, „Zusammenbruch der kapitalistischen Gesellschaft“ etc. fragt, so ist keine andere Antwort auf diese Frage möglich als folgende: diese theoretischen Pseudobegriffe sind dem unvermeidlich irreführenden Bestreben erwachsen praktische Postulate des Sozialismus, d. h. eines sozialen Ideals, in theoretische Begriffe im Dienste einer geschichtlichen d. h. kausal genetischen Betrachtung umzuprägen. Was als leitende Ideen im sozialen Ideal einer streitbaren sozialen Gruppe für einen bestimmten historischen Moment berechtigt sein mag, ist keineswegs ohne weiteres für die theoretische Erkenntnis des wirklichen gesellschaftlichen Geschehens verwertbar... Eine regulative sozialpolitische Idee, ein soziales Ideal, welches starr ist und starr sein soll, ist für

Съ научнымъ политико-экономическимъ обоснованіемъ социализма можно считать дѣло поконченнымъ. Однако марксизмъ, если бы и согласился съ критикой своего экономического ученія, можетъ, съ своей стороны, не признавать своего дѣла окончательно проиграннымъ. Представляется, повидимому, возможнымъ перенести весь вопросъ въ новую инстанцію, изъ сферы науки въ сферу философій. На почвѣ научно-эмпирической мы наталкиваемся на дуализмъ социальныхъ явленій, на самобытное субъективное царство интересовъ, нравственныхъ чувствъ, идеаловъ, но не окажется ли эта самобытность субъективной области призрачною, этотъ социальный дуализмъ относительнымъ, если мы выйдемъ въ закулисную, не поддающуюся непосредственному наблюденію, сторону социально-исторической жизни? Не сведется ли этотъ кажущійся дуализмъ къ философскому монизму, если мы поставимъ вопросы о послѣднихъ результатахъ, объ историческомъ значеніи мотивовъ социального дѣйствія и объ историческомъ корнѣ людскихъ побужденій? Такъ это и говоритъ Энгельсъ въ очеркѣ о *Л. Фейербахѣ*. „Каковъ бы ни былъ ходъ исторіи, люди дѣлаютъ ее такъ: каждый преслѣдуетъ свои собственныя цѣли, а въ результатъ множества дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ стремленій и ихъ разнообразныхъ воздѣйствій на

das Erfassen des gesellschaftlichen Entwicklungsprozesses gar nicht verwendbar. Für die entwicklungsgeschichtliche Betrachtung ist der Sozialismus, wenn sie diesen Begriff und dieses Wort benutzen will, in so und so beschaffenen realen Vorgängen und Tendenzen der kapitalistischen Gesellschaft erschöpft, der praktische Sozialist aber kann und meinerwegen darf in denselben nur—„Verewigung“ der kapitalistischen Gesellschaft erblicken. Es ist offenbar aussichtslos diese zwei Standpunkte versöhnen zu wollen: denn sie arbeiten mit ganz verschiedenen Begriffen und wenden ganz verschiedene Massstäbe an. Sie können sich gegenseitig psychologisch aushelfen—aber logisch müssen sie immer grundsätzlich *autonom* bleiben. Es hiesse sich überhaupt einem Wahne hingeben, wollte man praktische Ideale mit theoretischen Einsichten zur vollständigen Deckung bringen. In diesem Sinne liegt in der Wortverbindung: *wissenschaftlicher Sozialismus* eine grosse Utopie eingeschlossen. Der Sozialismus kann—seiner Natur nach, als soziales Ideal—in der Wissenschaft nie aufgeben und sie der Wissenschaft nie unterordnen.

По тому же вопросу высказывались: Бернштейнъ *Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich?* = *Возможенъ ли научный социализмъ?*—Вольманъ, Штамплеръ и мн. др.

внѣшній міръ получается исторія. Вопросъ сводится, стало быть, къ тому, чего хочетъ это множество отдѣльныхъ лицъ... Но, съ одной стороны, дѣйствующія въ исторіи многія единичныя стремленія въ большинствѣ случаевъ ведутъ за собою совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какія имѣлись въ виду. Очень часто эти послѣдствія прямо противоположны желаніямъ дѣятелей. И уже по одному этому побужденія, руководившія дѣятелями, имѣютъ въ послѣднемъ счетѣ лишь второстепенное значеніе. А съ другой стороны, является новый вопросъ о томъ, каковы же тѣ силы, которыя дали волѣ людей то или иное направленіе, каковы тѣ историческія причины, которыя отразились въ головахъ дѣятелей въ видѣ данныхъ побужденій“. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ марксизмъ и предлагаетъ свою теорію историческаго материализма.

Такъ мы, постепенно углубляясь, перешли отъ разсмотрѣнія марксизма, какъ коллективистическаго плана общественнаго строя, къ экономическому ученію его, а отъ экономическихъ теорій переходимъ къ его историко-философскому ученію. Историческій материализмъ составляетъ послѣднюю предпосылку научнаго социализма, его глубочайшее основаніе.

Таковъ нашъ планъ. Легко можно представить себѣ и обратный планъ критическаго изслѣдованія о социализмѣ, т. е. можно было бы начать съ обсуждения теоріи историческаго материализма, затѣмъ уже перейти къ критикѣ экономическихъ теорій и проектируемаго имъ социальнаго строя. Такъ Гаммахеръ распланировываетъ свою превосходную работу *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus*. Мы оправдываемъ свой планъ тѣмъ обстоятельствомъ, что коллективистическій проектъ мыслимъ и помимо марксистскаго основанія, какъ и на самомъ дѣлѣ онъ предлагается не одними марксистами; равнымъ образомъ и экономическія теоріи марксизма могутъ быть принимаемы независимо отъ марксистской философіи, какъ мы и представляемъ себѣ широкое распространеніе этихъ теорій среди рабочихъ, при чемъ онѣ легко могутъ сочетаться съ христіанскими вѣрованіями. Поэтому коллективистическій проектъ и экономическія теоріи Маркса должны быть разсмотрѣны и сами по себѣ, независимо отъ марксистской философіи. Обратный планъ былъ бы неизбеженъ лишь въ томъ случаѣ, если бы эта философія не составляла лишь послѣдняго убѣжища для марксизма, разбитаго на другихъ позиціяхъ или, по крайней мѣрѣ, обдумавшаго свою философскую теорію позднѣе другихъ частей системы, но если бы другія части системы и не имѣли никакого смысла помимо философскаго освѣщенія ихъ, если бы онѣ

представляли собою *только* выводъ изъ философіи марксизма. Однако въ этомъ послѣднемъ случаѣ пришлось бы не начинать лишь разсмотрѣніе марксизма съ историческаго матеріализма, но и ограничиться разсмотрѣніемъ послѣдняго. Не оставаясь въ этихъ границахъ, но переходя отъ критики историческаго матеріализма къ критикѣ экономическихъ теорій, Гаммахеръ оправдывается тѣмъ, что „auch ohne geschichtsphilosophischen Anspruch könnten die ökonomischen Lehren gültig sein“ etc., а это замѣчаніе есть оправданіе и нашего плана. Такъ оправдываемый, нашъ планъ является для насъ единственно возможнымъ потому, что мы постепенно переходимъ отъ менѣе важнаго къ болѣе важному, присоединяя именно къ разсмотрѣнію историческаго матеріализма важнѣйшую часть своего изслѣдованія—обсужденіе этико-религіознаго ученія социализма и рѣшеніе вопроса объ отношеніи нравственности къ хозяйству.

М. Гарчевъ.
